

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 22.

VI г. изд.

благотворное влияние начала, жизнеутверждающего пришлось мне пережить, осматривая на днях "Чеховский музей", временно приютившийся в "комнатах людей сороковых годов" Румянцевского музея. Надо впрочем оговориться: музея, как такового, в сущности еще и нет, ибо то, что собрано здесь — частью и не разобрано вовсе, частью сложено в ящики, частью не описано, не просмотрено, так что на долю обозревателя этих чеховских реликвий остается весьма немного. Сейчас Румянцевский музей, перегруженный до последней степени, не имеет возможности, отвести отдельное помещение «под Чехова». Если переведут осенью одно из отделений — то тогда и Чехову дана будет цела зала, тогда и коллекции разберутся, а если к тому же можно будет как-нибудь добыть средства — нанять лицо для описания предметов — то откроют музей и для публичного обозрения...

Музей возник по инициативе М. П. Чеховой, О. Л. Книппер-Чеховой и В. А. Каллама. Их предложение было весьма охотно принято правлением Румянцевского музея; как только до общества дошли сведения о Чеховском музее — тотчас же стали поступать предметы, туда отсылались. Теперь собрано очень много — целое богатство, разный материал о Чехове, представляющий огромный интерес для исследователей. Но материалами этими, повторяю, пока не будет расширено помещение и не окончится описание предметов — пользоваться невозможно...

Благодаря любезности одного из членов администрации Румянцевского музея А. А. Бороздина, нам удалось на днях больше или меньше детально осмотреть чеховские собрания. И вот впечатление от осмотра было именно такого свойства, что стало очевидным присутствие "духа живого" в этой маленькой, полутемной, музейной комнате...

"Люди сороковых годов" и люди чеховской генерации — какое казалось бы яркое противопоставление... Однако, если уж очень внимательно взглянуть в психический мир, скажем, напр., Огарева, — то вряд ли будет так резкая линия раздѣла между его современниками и "журыми людьми" конца 19 столѣтія...

И вот они ужались под одной кровлей. Время свело их всех вместе... Герценъ, Огаревъ, Чеховъ — и не случайным кажется это соседство, эта близость. Есть в ней черты родственныя, сближающія... Думается так: все они люди разныхъ эпохъ, разныхъ направлений, разнаго склада — но родные межъ собой: сыновья великой, суровой страны, борцами и мечтателями о лучшей долѣ которой все они были...

"Чеховскія витрины" помѣстились во второй узенькой комнатѣ "отдѣленія людей 40-хъ годов" — по стѣнѣ у окон... Окна закрыты ставнями... Ихъ пріоткрыли — мирный и покойный сонъ комнаты прервался... Показалось, что это ворвалась сюда бодрая жизнь...

А со стѣны смотрѣли портреты Чехова. Вотъ рисунокъ Панова, вотъ серебряные вѣлки, положенные на могилу — папки съ адресами, поднесенными А. П. въ день перваго представления «Вишневаго сада». Въ витринахъ — книги о Чеховѣ, вырѣзки изъ газетъ, коллекція журналовъ 80-хъ годовъ (Осколки, Размеченіе, Будильникъ, Стрелкоза), — первыя изданія Чехова. Въ шкафчикѣ, заваленномъ книгами

Въ Чеховскомъ музее.

Приближается десятилѣтіе годовщины со дня смерти Чехова. Его, какъ первую любовь, Россія сердце не забудетъ... Сколько разъ вспоминались эти потчевскія слова о Пушкинѣ — применительно къ Чехову... Но подлинную, живую любовь должно осуществлять не на словахъ, а въ дѣлѣ, въ такомъ, значительности котораго оправдала бы эти восклицанія о нашемъ чувствѣ. Единственный памятникъ, который достойно удовлетворяетъ писателя — есть памятникъ въ книгѣ о немъ. Книгъ о Чеховѣ написано много; конечно, онѣ не исчерпываютъ всего, что хотѣлось бы намъ знать о немъ, какъ о художникѣ и сынѣ своей родины, но все уже утверждаютъ наше право на выраженіе вѣрной и истинной любви къ нему... Есть и еще одно дѣло, которое столь же достойно передать поколѣніямъ грядущимъ полную свою повесть о томъ, чѣмъ былъ для насъ Чеховъ. Это дѣло — созданіе музея имени Чехова. Обычно полагаютъ, что всякаго рода музеи — являются лишь кладбищами искусства... Думаютъ такъ: въ этихъ музеяхъ все живое становится мертвеннымъ, застываетъ, камѣнѣетъ, покрывается пылью археологическою, закрывающей подлинныя черты любимаго... Есть въ этихъ жалобахъ извѣстная правда, однако, нѣсколько односторонняя. И музей способенъ быть живымъ, утверждать живой любви, если въ его экспозицію вносятся духъ живой... И именно это

Театръ въ „Малаховкѣ“.

Кавалеръ—г. Лепновскій.

Мирандолина—г-жа Аренцвари.
„Трактирщица“.

Князь—г. Южный.

„Ревность“.

Елена—г-жа Леонтовичъ.
Рис. Чели.

ми, хранится переводы Чехова: тутъ и японскія изданія, и эсперанто, и древне-еврейскія (издано въ Иерусалимѣ), и армянскія, и татарскія, греческія и грузинскія, астонскія и литовскія... Конечно, и на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ особенности много переводовъ нѣмецкихъ. Даже въ дешевую „универсальную библиотеку“ попалъ Чеховъ. Не даромъ разсказываютъ объ одномъ молодомъ нѣмцѣ, который долго думалъ о томъ, чтобы подарить самое пріятное своей невестѣ—принести ей томикъ Чехова...

Рукописей Чехова не много: «Вишневый садъ», «Свадьба», «Зеркало», «Болкъ», «Разстройство Компенсаций». На послѣдней примѣчательная пометка: «Рукопись, бывавшая въ редакціи «Журнала для всѣхъ». Какъ безбожно, М. Чехова». Рукопись действительно, въ безобразномъ видѣ.

Вотъ «Свадьба» — цензурованный экземпляръ. Написанъ рукой Чехова. Въ спискѣ дѣствующихъ лицъ карандашная приписка: противъ имени Настасьи Тимофеевны—О. О. Садовская.—Дашенька—Охотина, Андомбовъ—М. Садовскій, Итъ—Музыль, Ревуновъ-Карауловъ—Ленскій... Въ такомъ распорядкѣ видѣлась Чехову «Свадьба» въ Маломъ театрѣ... Какъ извѣстно, «Свадьба» тамъ не ставилась.

Въ конвертѣ—бережно сложенная афишка второго представленія «Дѣлаго»; въ этой же витринѣ портретъ Чехова, письма его, 3 списка разсказовъ А. П., составленныхъ имъ самимъ: въ первомъ спискѣ помѣчено 128 разсказовъ, во 2-мъ 213, а въ 3-мъ 80. Вырѣзка изъ № 32 «Осколокъ» за 1887 г.: разсказъ «Заумышленникъ» съ собственноручной пометкой А. П.: «NB. Въ полное собраніе не войдетъ. А. Чеховъ». Обложка «Пестрыхъ разсказовъ» изд. 1886 г. съ собственноручной подписью А. П.: «Мармеладъ Фортепьянчу Сомашко отъ любящаго его почитателя А. Чехова». Записная книжка съ рецептами. Двѣ акварельныя карикатуры на Чехова, исполненныя художникомъ А. А. Хотининымъ. На одной—Чеховъ изображенъ въ обществѣ Щепкиной-Куперникъ и Яворской, на другой—Чеховъ въ Ниццѣ. Худой А. П. на маленькой скамеечкѣ фазона; напротивъ тучный М. М. Ковалевскій съ дамой. Въ витринѣ съ чеховскими реликвіями перчатки А. П., докторскій знакъ, двѣ дверныя таблички («Докторъ А. П. Чеховъ» и болѣе поздняя—«А. П. Чеховъ»), два бумажника. Въ маленькомъ—портретъ Л. Н. Толстого. Портретъ любительскій. Этотъ портретъ, по словамъ М. П. Чеховой, А. П. всегда носилъ въ послѣдніе годы при себѣ.

И много еще «реликвій» — трогательныхъ и милыхъ, какъ-то особенно привлекающихъ, дѣлающихъ такимъ дорогимъ, человѣчески близкимъ образъ Чехова...

Выходя изъ комнаты—она опять погружается въ сонъ. И такъ хочется, чтобы скорѣе на яркій свѣтъ былъ вынесенъ этотъ чеховскій музей—мѣсто, куда будутъ сходить люди, чтущіе его память и свою любовь къ нему утверждающіе дѣломъ изученія его жизни и творчества...

Но подлинный «Домъ Чехова» *)—подобно существующему въ Петербургѣ «Дому Пушкина» —станетъ этотъ музей тогда, когда само общество придетъ на помощь и дастъ средства на расширеніе начинанію, которому такъ самоотверженно служить сейчасъ лишь близкіе Чехову...

Юрій Соболевъ.